

С. 24

Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский — в интервью «Газете»

«Взрыв злорадства в обществе неадекватен тому, что произошло»

К Эрмитажу в последнее время приковано внимание всей страны: после пропажи экспонатов из древнерусской коллекции разразился громкий скандал. О проблемах музея и о его планах с директором Эрмитажа Михаилом Пиотровским побеседовала Гюляра Садых-заде.

По указанию президента в стране объявлена тотальная проверка музейных фондов и инвентаризация единиц хранения. Какие проблемы вы предвидите при такой масштабной инвентаризации: технические, физические, моральные, организационные? Проверку, безусловно, проводить нужно. Разумеется, без спешки, без истерики: нельзя бросать все дела и заниматься только инвентаризацией. Это требует внимательного, вдумчивого подхода, аврал недопустим. Описать все, хранящееся в Эрмитаже, — это дело не дней и не месяцев. Тут понадобятся годы кропотливого труда. И поэтому сейчас нужно четко понимать, что в этом деле более важно, а что — менее. Сперва необходимо заняться самыми ценными, редкими вещами, теми экспонатами, что составляют ядро музейной коллекции. Не секрет, что в первые годы советской власти, после тотальной экспроприации, в Эрмитаж грузовиками свозились предметы быта, иконы, мебель. Подробную опись проводить было некогда: либо музей принимал вещи, либо они шли на лом, на растопку. Поэтому очень часто писали: «грузовик с иконами» — и принимали на хранение. Таким образом спасали предметы искусства от гибели: музеи в те годы сохранили многие ценности, и об этом нужно помнить.

В Эрмитаже и раньше проводились проверки: когда у нас работала комиссия из Счетной палаты, потребовали какие-то вещи, указанные в описи, и их не сразу могли найти. Поднялся шум. Но надо понимать: музей — дело живое. Вещи уходят на реставрацию, выезжают с выставками, их перемещают с места на место, когда меняют экспозицию или проводят ремонт. Сейчас у нас выстроено новое фондохранилище в Старой Деревне, есть где разместить гигантские музейные фонды.

Вы участвовали в симпозиуме «Диалог цивилизаций» на острове Родос. Какие вопросы там обсуждались?

Мы собираемся на Родосе каждый год: это особенное место, такой цивилизационный перекресток, откуда идут пути с Востока на Запад. Представители разных конфессий, разных культур, арабисты, искусствоведы и политики занимались в своих секциях, у каждой был очерчен свой круг проблем. Наша секция занималась обсуждением проблем культурного взаимодействия Востока и Запада. Мы вырабатываем программу совместных действий: планируем проведение разнообразных культурных акций, выставок, книжных презентаций. И сами издаем книги, посвященные проблемам культурного диалога.

ФОТОГРАФИЯ: ВЛАДИМИР СЕВЕРОВ

Сейчас действует программа «Иджма» («Согласие»), в рамках которой выпускаются книги и проводятся исследования, нащупывающие различия, но общность культур, что может служить основой диалога.

Я делал на Родосе доклад о культурных взаимодействиях Востока и Запада: прослеживал, как искусство Востока в Средние века проникало на Запад и формировало там новый стиль, как, в свою очередь, западноевропейская живопись потом начала влиять на искусство арабских и персидских мастеров, дав толчок к возникновению станковой живописи и искусству портрета.

Вы — арабист, тонкий знаток арабского и персидского искусства миниатюры. Сегодня противостояние двух цивилизаций достигло небывалой остроты. Каковы, на ваш взгляд, возможные пути решения проблемы?

Не надо преувеличивать: это еще не переросло в противостояние цивилизаций, корни его сугубо экономические. Просто Америка хочет контролировать мировые запасы нефти и поэтому взрывает политическую ситуацию на Ближнем Востоке, пытается манипулировать народами и моделировать политическую ситуацию, причем не только экономическими, но и силовыми методами. Это всему миру ясно. Наша задача — предотвратить перерастание экономического конфликта в глобальный, цивилизационный. Нет никакого противостояния ислама и христианского мира — пока что. Ислам — одна из трех основных мировых религий, и если попытаться непредвзято изучить законы ислама, то в них вы увидите много позитивного. Я не говорю сейчас о фундаментализме. Он, кстати, бывает не только исламский. Когда Джордж Буш говорит о крестовом походе против ислама — что это, как не фундаментализм? В каждой религии есть ортодоксы. И есть фанатики, сторонники крайностей. То, что в на-

шем мире сейчас все больше радикально настроенных, агрессивных людей, — это наша беда. И это чревато неприятностями для всех сторон.

В спорах все почему-то забывают, что в Средние века именно Восток нес свет просвещения на Запад и европейские негодяи предпочитали иметь дело именно с исламскими купцами, потому что ислам запрещает жульничество, обман, ростовщичество. Исламские купцы не берут проценты, не пьют, всегда держат слово, и потому вести с ними дела было и выгодно, и прибыльно. Опять же, возьмем отношение ислама к женщине. На Западе считается, что участь мусульманской женщины ужасна: она вынуждена носить чаршаб, закрывать лицо и руки, она бесправна, унижена и полностью зависима от мужчины. А на Востоке, наоборот, ужасаются положению женщины на Западе: ведь ее там заставляют, бедную, оголяться, заставляют работать, она никак не защищена

бурге возникнет филиал Гуггенхайма. Мы составили плодотворный альянс: существует альянс «Музей Гуггенхайма — Эрмитаж» в Лас-Вегасе, там экспонируются выставки, составленные из наших коллекций. Прошедшие несколько лет показали, что само существование музея в американской глубинке существенно изменило город. Даже дизайн гостиниц стал меняться: если раньше считалось, что кричащий китч — то, что нужно Лас-Вегасу, теперь некоторые приходят к осознанию того, что современный стиль может быть и более спокойным, минималистическим.

Эрмитаж показывает картины в Лас-Вегасе и пробуждает людей, которые плохо представляли себе, что такое Россия и русская культура. Чаше Россия ассоциировалась с ракетами и танками. Думаю, весь набор наших действий в мире показывает агрессивную динамичность российской культуры, что бесполезно и для нас, и для престижа страны. По-

«НАДО ПОНИМАТЬ: МУЗЕЙ — ДЕЛО ЖИВОЕ. ВЕЩИ УХОДЯТ НА РЕСТАВРАЦИЮ, ВЫЕЗЖАЮТ С ВЫСТАВКАМИ, ИХ ПЕРЕМЕЩАЮТ С МЕСТА НА МЕСТО, КОГДА МЕНЯЮТ ЭКСПОЗИЦИЮ ИЛИ ПРОВОДЯТ РЕМОНТ»

и должна справляться с трудностями жизни сама, в одиночку.

А как вы относитесь к тому, чтобы разрешить носить чаршаб на лекциях в университете?

Отрицательно. Студенты не должны выделяться на занятиях, носить религиозные символы на показ. Это относится не только к чаршабу, но и к христианским крестам и к кипам. В общественных местах, во время учебы все должны быть равны, и правила едины для всех. В конце концов, Франция и страны Европы — это светские государства.

Как развивается сотрудничество Эрмитажа с Музеем Гуггенхайма?

Нормально, как и запланировано. Это не значит, что завтра в Петер-

тому что не во всех сферах мы можем быть так убедительно динамичны.

С Гуггенхаймом у нас много совместных проектов. В разных частях мира, в Венеции например. Совместно с Гуггенхаймом мы делали здесь несколько выставок современного искусства, одна из лучших — выставка Кабакова. Вместе устраивали выставку, посвященную фотографу Мэпплторпу и маньеристам, — подборка маньеристских гравюр хранится в Эрмитаже. Активно обсуждаются технические параметры показа современного искусства в Восточном крыле главного штаба. Обсуждаем, как можно составить лекцию современного искусства для Эрмитажа, не тратя на это больших денег. То есть мы пришли к новаторским способам сотрудничества: не перемещение вы-

ставок туда-сюда, а создание совместного музейного продукта.

Ведется теоретическая работа о дальнейшей судьбе развития Эрмитажа, мы размышляем о том, каким должен быть музей XXI века. Этому еще никто не знает, мы определим это вместе.

Объявлено, что за рубежом найдено несколько пропавших экспонатов Эрмитажа. Ваши комментарии? Как в целом продвигается следствие по делу? Не кажется ли вам странным регулярное подбрасывание украденных вещей? Как вы объясняете эти добровольные и анонимные возвращения?

Как только мы вывесили описания и изображения пропавших вещей в интернете на сайте Эрмитажа, заинтересованные лица стали проверять свои коллекции. И музей, и милиция пытаются действовать по-современному. Вот у меня на столе журнал Art, и в нем сразу же было объявлено, какие вещи пропали, опубликованы фотографии. Эти же фотографии висят в интернете, люди смотрят, ищут. Много сведений приходит из-за рубежа: посмотрите, мол, это ваше? А люди подкидывали вещи, чтобы их потом не спрашивали, когда и где они их купили.

Почему? Они же могли просто спокойно сидеть и помалкивать.

Все равно нашли бы. Найти, куда ушла вещь, нетрудно. Все антиквары известны, каналы сбыта — тоже. Конечно, то, что вещи находились так регулярно, практически каждый день, — это странно. Впрочем, в этой истории вообще много странного. Я, честно говоря, предпочел бы, чтобы люди информированные, те, кто может проникать везде и всюду, занимались этими вопросами. Провели бы журналистское расследование, что ли. Я предполагаю, много интересного мы бы узнали. Потому что действительно в этой истории много странного: как хранитель решилась на такое, почему вещи уходили в ломбарды много ниже их реальной цены, хотя хранитель не могла не знать их ценности, — тут целый набор странностей, которые заслуживают особого репортерского расследования. Хорошо бы, чтобы журналисты раскрутили и разобрали, как все случилось. Тут есть сочетание кражи и шантажа, есть и провокация — много разных элементов, с которыми мы, к сожалению, сталкиваемся в жизни. И тем более мне непонятен такой взрыв даже не интереса, а злорадства в обществе, который явно неадекватен тому, что произошло. Во всем мире периодически происходят хищения в музеях. Этому, к сожалению, не избежать.

Активность с возвращением вещей кажется странной, но и активность обсуждения происшедшего как важнейшей национальной проблемы тоже несколько настораживает. Думаю, тут нужно скрупулезно разбираться.

Вы упомянули слова «шантаж» и «провокация». Что вы имели в виду?

Сказал, и все, комментариев не будет. **ГАЗЕТА**

Пиотровский Михаил